Б.Н.Ковалев

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ГИТЛЕРОВСКОЙ ОККУПАЦИИ ГОРОДА СТАРАЯ РУССА ПО ДОКУМЕНТАМ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Старая Русса находилась под гитлеровской оккупацией с августа 1941 по февраль 1944 года. Новым источником по изучению истории этого трагического периода в жизни города являются документы органов государственной безопасности. Свидетельства советских разведчиков давали достаточно объективную картину сложившейся тогда ситуации: проблемы, связанные с эвакуацией, немецкие репрессии против мирного населения, создание коллаборационистских органов управления. Эти показания дополняются воспоминаниями немецких военнослужащих, а также послевоенными советскими документами.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, военные преступления, Холокост, Старая Русса, органы государственной безопасности

В Старой Руссе (на то время районный центр Ленинградской области) перед Великой Отечественной войной проживало около 38 тысяч человек.

В первые дни войны город жил относительно спокойно. Конечно, началась мобилизация, но никто из жителей не предполагал, что линия фронта может подойти к их родному дому. Даже тогда, когда в газетах стали публиковаться сводки Совинформбюро о приближении фронта к Пскову и Острову, население не хотело верить в возможность вражеской оккупации Старой Руссы.

Первое серьезное беспокойство жителей было связано с начавшейся эвакуацией 104-й базы Комитета резервов. Из нее стали вывозить муку на Советскую Набережную, грузить в баржи, которые отправлялись вниз по реке Полисти.

В первой декаде июля 1941 г. учреждения и предприятия города начали подготовку дел и имущества к эвакуации, а 12 июля среди мирного населения началась настоящая паника [1, л. 128].

К основным недочётам эвакуации можно отнести явную недостаточность железнодорожного транспорта, а также отсутствие у руководства представления: в сторону каких населенных пунктов вывозить население. При этом назывались самые близлежащие точки. По одним сведениям, было достаточно выехать из Руссы за реку Ловать, куда выгонялся и колхозный скот, по другим же безопасным считался Полавский район и деревня Рамушево Старорусского района [1, л. 128].

Железнодорожные составы отправлялись в отдалённые места лишь с пассажирами, имеющими специальные пропуска. Эти документы выдавались только семьям начальствующего состава, и поэтому большинство жителей г. Старая Русса не имело возможности уехать поездом. При этом руководили эвакуацией городская и районная тройки.

Из города люди уезжали также на автомашинах и подводах. По реке Полисть курсировал пароход, который вывозил беженцев, ехавших в большинстве случаев до деревни Тулитово. Она находилась чуть восточнее Старой Руссы.

Очевидец этой эвакуации вспоминал: «По всей реке вереницей тянулись плоты, сколоченные из брёвен, на которых увозился домашний скот и люди. Правая сторона реки Полисти покрылась шалашами, которые раскинулись от Кречева до Ловати. Многие рушане выкопали землянки здесь же. Кроме городских жителей, по берегам поселились и колхозники из деревень Большая Гора, Медниково и др. Город опустел, но всё же были видны жители, преимущественно старики, которые физически не могли никуда уехать» [1, л. 128].

Очевидец этих трагических событий с семьёй выехал за реку Ловать и «остановился у домика (фарватерная будка) против реки Полисти, место, называемое Спасова Голова. Здесь был перевоз, движение со всех сторон народа, который не знал, что ему делать в этой ситуации.

Удобно было бывать среди населения, раскинувшегося по реке Полисти, под предлогом прохода в город за любой едой. Многие из людей осели на близком расстоянии от города по причине полного отсутствия продуктов» [1, л. 128].

При этом уже с 5 июля 1941 г. город стал подвергаться регулярным налетам немецкой авиации. Об этом времени немецкий хирург Ханс Киллиан так напишет в своей книге: «К югу от озера Ильмень наши дивизии непрерывно наступают. Они останавливаются перед Старой Руссой. Говорят, за город разгорелись ожесточенные бои» [2, с. 76].

И далее: «Впереди на линии фронта идет ожесточенное сражение за Старую Руссу, знаменитый курорт на озере Ильмень, где жил Достоевский и где он написал свой роман “Идиот”» [2, с. 80].

После ожесточенных боев Красная армия 9 августа 1941 г. оставила Старую Руссу [3, с. 943].

Нацисты установили в городе жестокий карательный режим. Во многом он был связан с активным сопротивлением в первые дни оккупации. Даже немецких офицеров пугали целые ряды казненных: «На балконе дома в разодранных в клочья лохмотьях болтаются тела троих повешенных. Отвратительная картина преследует нас по пятам. На каждом фонарном столбе мы обнаруживаем новых повешенных, со свернутой набок головой, с выпавшим языком» [2, с. 82].

Это были заложники, казненные после успешного акта возмездия, направленного против немецких солдат. 74 гитлеровца были убиты или тяжело ранены, когда зашли в заминированный дом. Немецкий офицер вспоминал: «Какая-то фанатичка сначала спокойно наблюдала за тем, как ребята заходили внутрь, а затем совершила это массовое убийство. Когда ее схватили, она, даже не дрогнув, созналась в преступлении и по закону военного времени была расстреляна на месте» [2, с. 82-83].

Установить фамилию девушки-агента по документам советских органов государственной безопасности на сегодняшний день (2019 год) пока не удалось.

Для немецких оккупантов для лучшего использования городского потенциала требовалось опереться на поддержку со стороны некоторых представителей местного населения. В Старой Руссе начали создаваться структуры коллаборационистской «Новой русской администрации». Городским головой стал бывший фотограф Василий Быков, а его заместителем — Иван Скорин.

С середины сентября 1941 г. под руководством Скорина в помещении бывшей городской аптеки по ул. Карла Либкнехта по заданию немецкого коменданта началась всеобщая обязательная регистрация населения города. В этом же помещении размещался статистическо-регистрационный отдел, во главе которого был сам Скорин [4, л. 16].

Регистрация населения имела своей целью не только персональный учет оставшихся жителей в городе, но в первую очередь она преследовала цель выявления всех неблагонадежных категорий населения: евреев, советско-партийного актива, членов семей ответственных партийно-советских работников и командиров Красной армии [4, л. 16].

Немецкий комендант города Мосбах предложил «подобрать на должность начальника городской полиции надежного человека не только в политическом отношении, но и нерусской национальности, например, из латышей или эстонцев» [4, л. 23].

Последнее было вызвано тем, что «русский стал бы сводить счеты со своими недругами» [4, л. 23].

Было решено использовать для этой работы местного эстонца Кютта Александра Карловича. В 1949 году, арестованный советскими органами государственной безопасности, он так описал процесс вербовки его в полицию: «При беседе интересовались моими политическими убеждениями, национальностью, моим отношением к немцам. Я говорил, что к советской власти и большевикам отношусь враждебно, что я, будучи эстонцем, советской властью притеснялся и к приходу немцев отношусь как к освобождению.

После этого Мосбах вручил мне анкету, которую я должен был собственноручно заполнить и заверить двумя поручителями, пострадавшими от советской власти. Кроме этого, я должен был написать подробную автобиографию» [4, л. 23].

После предъявления анкеты, заверенной двумя поручителями, каждый поступающий на службу в полицию давал специальную подписку: обязательство честно служить «Великой Германии» и бороться против советской власти [4, л. 26].

Александр Кютт и его помощники составили для немецкого командования два подробных списка: один — на евреев и другой, общий список, в котором значилось более 100 человек «политически неблагонадежных» [4, л. 26].

Немецкое командование понимало, что для того, чтобы местное население начало работать на них, необходимо организовать некое подобие порядка. Тяжелее всего приходилось людям, которые не могли заниматься тяжелым физическим трудом. Коллаборационистская администрация попыталась что-то сделать. В апреле 1942 г. в Ленинграде советский разведчик сообщил об этом следующее: «...Престарелые старики и старухи, инвалиды получали бесплатные обеды, но всё же перед этими несчастными людьми висела голодная смерть. Немцы всё это видели и знали, но они находили всё это в порядке вещей, а главное избегали, чтобы от них ничего не просили.

Столовые могли обслужить ничтожную часть населения, и, как говорили, Управа поставила вопрос о выдаче пайка населению» [1, л. 137].

Германское командование усилило обложение крестьян различными налогами, и в город потянулись подводы с рожью и картофелем. Всё это сгружалось в городской тюрьме. Камеры были использованы под кладовые. Невзирая на то, что продукции было много, паёк не выдавался населению до декабря 1941 г., и только в декабре была сделана первая выдача по 4 кг на месяц на взрослого человека и 2 кг на детей до 16 лет [1, л. 137].

Причём имевшие запас муки лишались пайка на один, два, три и больше месяцев вперёд, исходя из вышеуказанной нормы. Наличие этого запаса муки проверяла полиция, заходя в квартиры жителей и делая там обыски [1, л. 137].

Экстремальные условия порождали резкое усиление религиозных настроений. Население, во многом потерявшее веру как в советскую власть, так и в самих себя, пошло в церкви, открытые немцами. В начальный период гитлеровцы не видели в православии угрозы для себя, более того, они рассчитывали на поддержку со стороны православной Церкви. В условиях крайней неопределенности первых недель оккупации «народ молился. Когда читались или пелись молитва “Отче наш” и произносились слова — “Хлеб наш насущный даждь нам днесь” — все крестились, многие плакали. Всё это говорило о душевном переживании людей, измученных морально и физически» [1, л. 137].

Работавшие во время советской власти сторожами и пастухами бывшие священники вновь стали возвращаться в храмы. В Старой Руссе «три старика-священника с трудом успевали совершать требы — отпевания умерших, крещение детей в возрасте нескольких лет, богослужения и исповеди. Последние совершались массово, или, как их называли, проводили “общие исповеди”, т. к. священники не в состоянии были делать это с каждым желающим в отдельности» [1, л. 137].

Советская агентура на оккупированной территории по-прежнему воспринимала любого священнослужителя как потенциального врага. К открытию церкви сотрудники НКВД относились крайне отрицательно. Религиозный порыв характеризовался ими следующим образом: «Народ просто сходил с ума от страха и находил утешение в молитве. Появилось около двух десятков бывших монахинь, которые усиленно вели в народе антисоветскую пропаганду, приписывая тяжёлое положение народа вине большевиков.

Какое им дело до независимости нашей страны! Они обрадовались открытию церкви, давшей им халтуру, и восхваляли немцев, открывших церковь. Среди них выделялся бывший сторож кладовых Райпотребсоюза Кузьмин — староста церкви, довольный, счастливый от полученной им почётной должности» [1, л. 137].

До Великой Отечественной войны в Советском Союзе активно действовал Союз воинствующих безбожников. Его возглавлял старый большевик Емельян Ярославский. Борьба за атеизм зачастую велась самыми вульгарными способами. В реалиях нацистской оккупации нашлись люди, которые стали активно бороться с наследием СВБ: «Регент Михайловский — сын дьякона выступал с проповедями, в которые включал некоторые места из произведений Емельяна Ярославского и старался их опровергнуть. Иногда он включал в свою проповедь статью Конституции, доказывая, что Сталинская Конституция говорит только об антицерковной пропаганде, но не даёт права вести церковную пропаганду, т. е. явно направлена против церкви» [1, л. 137].

У храмов собирались не только «сырые и убогие». Как отмечали советские агенты, «около церквей всегда можно найти маньяков, дегенератов, алкоголиков и разных полудурков, так и здесь не обошлось без подобного типа. Это Володя Невзоров — сын дьякона по происхождению. Он цеплялся за всякое печатное слово фашистской газеты и каждому как бы докладывал о мнимых успехах немцев» [1, л. 137].

После того, как коллаборационистской администрацией по приказу гитлеровцев были сделаны списки на всех неблагонадежных, в Старой Руссе приступили к «окончательному решению еврейского вопроса». Евреи, жители города Старая Русса, в октябре 1941 г. были все одновременно арестованы. В феврале 1942 г. ленинградские чекисты получили следующую информацию с оккупированной территории: «Больше всех в городе испытывали беспокойство евреи.

Приказ германского командования обязывал их носить на рукаве белую повязку в отличие от прочего населения. Первоначально их не трогали, и они со страхом на лице и с повязкой на рукаве выходили на улицы города, но в один печальный день были собраны, как передавали, около 50—60 человек, и с этого момента их в городе было больше не видно.

Среди населения ходил упорный слух о том, что их привели к тюрьме и расстреляли. Проходившие в это время мимо тюрьмы слышали крики женщин и детей: “Спасите, спасите!”» [1, л. 137-138].

Однако с самых первых дней оккупации начинается вооруженная борьба против гитлеровцев. Случай с девушкой-диверсанткой был не единственным. Поэтому в городе вводится комендантский час. У людей, которые по каким-либо причинам ходили ночью, немецкие солдаты документов не спрашивали. Они сразу стреляли на поражение. Из донесения советского агента следует: «Почувствовав действия партизан, с наступлением темноты жителям немцами было категорически запрещено выходить на улицу. Всякий, кто появлялся на улице хотя бы в сумерки или в темноте, рисковал быть застреленным.

Говорили, что были случаи пристреливания жителей, но мне не известны фамилии и адреса пострадавших. Во всяком случае, домохозяйка, если не успевала до наступления темноты вымыть наружное крыльцо, то таковое оставалось невымытым до утра следующего дня» [1, л. 138].

Жертвами нацистского оккупационного режима зачастую становились рядовые граждане, которых гитлеровцы рассматривали в качестве бесплатной рабочей силы. Их могли просто схватить на улице. Об их дальнейшей судьбе в городе иногда ходили весьма странные слухи: «На улице Возрождения, напротив дома Борзова, проживал молодой человек в возрасте 18—19 лет, ходил всегда чистенько и опрятно одетым. В октябре месяце, когда он стоял у ворот, его пригласили немцы пойти с ними и увели неизвестно куда. Через 5—6 дней стало известно, что его и таких же молодых людей, ещё 22 человека отправили поездом из Руссы.

Никто не знал, куда они поехали, но был разговор о том, что немцы их отправили первоначально для использования на караульной службе, потом, безусловно, отправят на английский фронт» [1, л. 138].

Оставшееся в своих домах население города в обязательном порядке должно было выходить на различные физические работы, например, для выгрузки из реки леса и дров. Вызывались жители повестками на 6 дней, но, отработав 6 дней, они получали новую повестку. Людей, не подчиняющихся приказам гитлеровцев и не выходящих на работу, вызывали в комендатуру и секли розгами [1, л. 138].

Но не все горожане испытывали на себе все тяжести войны и оккупации. Кто-то этим положением воспользовался в своих корыстных целях. В первую очередь это были местные коллаборационисты. Начался процесс «приватизации», в котором самое активное участие приняли сотрудники «новой русской администрации» и их ближайшее окружение. Через некоторое время встал вопрос о переделе собственности. К его решению были привлечены следователи полиции.

Так, всего за месяц (с 3 сентября до 11 октября 1941 года) городской управой города Старая Русса были переданы в собственность частным лицам городские строения, имеющие производственное значение. Всего было продано 36 строений на общую сумму 18 тысяч 400 рублей. Все эти сделки проходили без осмотра и без составления технических расчетов, по весьма приблизительной оценке работников управы, которые существенно занижали стоимость.

В результате всех этих действий госпожа Аксенова стала владелицей электростанции со всем оборудованием, а господин Васильев получил во владение гончарный завод [5, л. 5].

Следственная комиссия, куда вошли представитель полиции и контролер городской управы, проверила правильность оценки 25 строений. Их осмотрели и установили подлинную стоимость, с учетом износа и сохранности отдельных элементов зданий, по техническим нормам и ценникам 1932—1940 годов. При этом оказалось, что действительная стоимость этих зданий с оборудованием исчислялась в гораздо большей сумме — 75400 рублей.

Следствие установило случаи прямого злоупотребления со стороны должностных лиц, участвующих в совершении сделок. Выяснилось, что инженеры Дробницкий и Захаров произвели продажу городского имущества не по его действительной стоимости, а по приблизительной, причем явно заниженной. Все это стало возможным лишь при активном участии и материальной заинтересованности городского головы Быкова, его заместителя Чурилова и заведомо снабжения Жуковского. Все они к началу этого разбирательства уже были освобождены от занимаемых должностей как не справившиеся с работой. При этом новоявленными капиталистами стали в большинстве случаев их родственники или близкие друзья. Но новый состав городской управы такое положение дел явно не устраивало.

Поэтому по представлению полиции были признаны подлежащими аннулированию шесть сделок. 21 сделка оставлена в силе как неподдающаяся проверке из-за уничтожения объектов при бомбардировках или пожарах, по семи сделкам предлагалось потребовать доплату от покупателей по действительной стоимости незаконно приобретенных «новыми русскими предпринимателями» объектов.

Но коррупционеры никакого наказания за это не понесли. Ведь они уже доказали свою преданность новому режиму. Поэтому заключение по этому делу было следующим: «Учитывая сложную обстановку военного времени, при которой протекала работа управы в первые месяцы после реорганизации, и принимая во внимание объяснение выше перечисленных работников о том, что они руководствовались стремлением предотвратить расхищение построек населением, полагаю нецелесообразным применять суровые меры взыскания.

Оставляю данный вопрос на рассмотрение начальника округа. Вместе с тем нахожу, что, во всяком случае, материальный ущерб должен быть возмещен лицами, причинившими вред интересам города» [5, л. 7].

В 1941 г. в Старой Руссе полиция занималась не только арестами советско-партийного актива и лиц еврейской национальности, но и собирала вещи, оставшиеся без хозяев в городе. Свозились они в один склад, после чего распределялись между сотрудниками управы и полицейскими. Наиболее ценное имущество отправлялось в Германию.

Узаконенным мародерством занимались не только русские полицейские. Так, по квартирам жителей часто ходили сами немцы. Они забирали все, что им нравилось, и было явно необходимо в условиях наступающих холодов: валенки, полушубки и т.д.

Среди населения ходили слухи, что существует приказ о том, что немецкие солдаты не имеют права брать бесплатно, что они должны покупать у жителей отбираемое [1, л. 138].

Однако на практике немцы действовали совершенно иначе. «Многие крестьяне, как только они попадались на пути у немцев, невзирая на лютый мороз, разувались и раздевались хоть в чистом поле, а потом их отпускали» [1, л. 138].

Что касается «честного поведения цивилизованных европейцев», то оно зачастую походило на фарс: «Были и случаи оплаты. Например, в доме № 93 по ул. Возрождения у гражданки Васильевой немцы прихватили будильник и заплатили за него всего две марки, на которые нельзя было купить 2/8 табака, так как табак стоил 3 марки. Васильева пыталась было отобрать свои часы, но ей пригрозили оружием — “пук-пук русише швайн!” (пристрелим, русская свинья!)».

В бывшем Воскресенском соборе находился музей краеведения. По приходу немцев музей был разграблен, и в соборе устроены комнаты для жилья. «Немецкие офицеры уносили экспонаты музея наиболее интересные и ценные. Несли их открыто, с улыбкой на лице от радости за добычу» [1, л. 138].

И все это было лишь самым началом нацистской оккупации. От ее последствий город и район так никогда и не оправались. Если в 1941 году здесь проживало более 127000 человек, то на начало 1944 оставалось лишь 8000 [6, л. 138].

1. Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. 19. Д. 150.
2. Киллиан Ханс. В тени побед. Немецкий хирург на Восточном фронте. 1941—1943. М., 2005. 336 с.
3. Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М., 2011. 1143 с.
4. Архив Управления ФСБ РФ по Новгородской области. Д. 1/6995, Т. 1.
5. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-2112. Оп. 1. Д. 4.
6. Архив Управления ФСБ РФ по Новгородской области. Ф. 7. Д. 33.

References

1. Arkhiv Upravleniya FSB RF po Sankt-Peterburgu i Leningradskoy oblasti [The FSB Directorate Archive of Saint Petersburg and the Leningrad region]. F. 19, D. 150.
2. Killian Khans. V teni pobed. Nemetskiy khirurg na Vostochnom fronte. 1941—1943 [Orig.: Killian H. Hinter uns steht nur der Herrgott. München: Kindler Verlag, 1957]. Moscow, 2005. 336 p. (In Russ.).
3. Kholokost na territorii SSSR. Entsiklopediya [The Holocaust in the USSR. Encyclopedia]. Moscow, 2011. 1143 p.
4. Arkhiv Upravleniya FSB RF po Novgorodskoy oblasti [The FSB Directorate Archive of the Novgorod region]. D. 1/6995, Vol. 1.
5. Gosudarstvennyy arkhiv Novgorodskoy oblasti [State archive of the Novgorod region]. F. R-2112, Op. 1, D. 4.
6. Arkhiv Upravleniya FSB RF po Novgorodskoy oblasti [The FSB Directorate Archive of the Novgorod region]. F. 7, D. 33.

Kovalev B.N. The Initial Period of the Nazi Occupation of Staraya Russa: on the Basis of the Documents Provided by the Soviet State Security Bodies. Staraya Russa was under Nazi occupation from August 1941 to February 1944. A new source for the history of this tragic period in the life of the town is the documents of State Security Bodies. Evidence of Soviet intelligence officers gave a fairly objective picture of the current situation: problems related to evacuation, German repression against the civilian population, the creation of collaborationist government bodies. These testimonies are complemented by the memories of German soldiers, as well as post-war Soviet documents.

Keywords: The Great Patriotic War, occupation, war crimes, Holocaust, Staraya Russa, State Security Bodies.

Сведения об авторе. Борис Николаевич Ковалев — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. bnkov@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.05.2019. Принята к публикации 30.05.2019.